

Киргизская Советская
Социалистическая
Республика, город Фрунзе,
народному писателю
Киргизии, академику
Академии наук
Киргизской ССР,
лауреату Ленинской
и Государственной
премий СССР, Герою
Социалистического Труда
Чингизу Айтматову.

УТРО доброе, дорогой Чингиз! Мне кажется, что письмо мое ты получишь именно утром. И будет это утро действительно добрым — по-весеннему теплым и солнечным. Оно начнется для тебя взволнованным перестуком сердца, отчего ты вдруг привстанешь с постели в недоумении — и что это за радость переполнила душу? Но вспомнишь ты, что сегодня 9 Мая, что сегодня праздник, День Победы, и тогда заискрятся счастьем твои глаза. И улыбнешься ты. Наверно, по-детски, как улыбались герои твоих книг, как улыбался сам много лет назад. А потом распахнешь настывшее окно и долго будешь вдыхать воздух родной Киргизии...

Вот он, твой отчий край! В многообразии красок и цветов, в свободном полете неведомой птицы, в хрустальной чистоте голубого неба. Мирного неба! И скажешь себе ты, — в который раз! — что только ради вот такого прекрасного утра стоило жить. Жить и работать. И услышишь ты звуки маршей на улицах и площадях города. И вспомнишь тех, кто не дождал до этого дня, отдав свою жизнь во имя свободы...

Я, как и ты, дорогой Чингиз, люблю встречать рассветы. Люблю! Выхожу на балкон и смотрю на Мтацминда — Святую гору. Долго смотрю. Лишь тишина караулит мое ожидание. В такие минуты я нетерпелив: когда же, наконец, заалет краешек неба и из тьмы выплывет белая церковь Мамадавити — церковь святого Давида. Там, в Пантеоне, захоронены те, кто отдал себя служению народу и тем самым обрел себя на бессмертии, — Николоз Бараташвили, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Галактион Табидзе... Там, в полумгле голубого грота, обхватив руками крест надгробия, застыла женщина. И надпись на боковой плите: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя! Незабвенному — его Нина». Ты, Чингиз, знаешь о ком я. Это могла великого Грибоедова, а женщина — Чавчавадзе Нина...

Но медленно, очень медленно пробуждается природа, а вместе с ней оживает мой родной Тбилиси — сердце Грузии. И я чувствую, как переполняется страстной любовью к моей земле. Вновь и вновь задаю извечным вопросом — и что есть я для нее, и что есть она для меня?

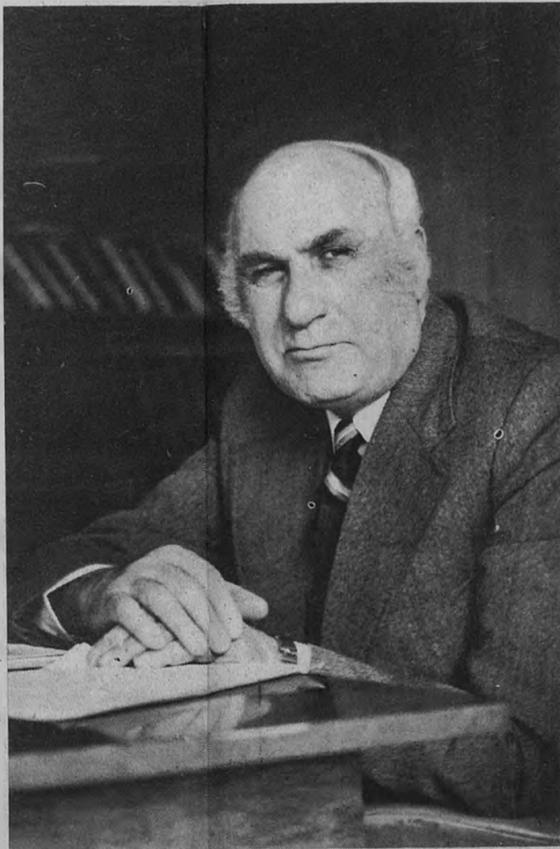
Все целиком,
все полностью,
все сразу
безмолвно у меня просила ты,
но отдавал я лишь
за фразой фразу
частичками разъятой красоты.
Но разве боль —
частичка нашей боли?
Что означает
часть судьбы — в судьбе!
Дай быть мне для тебя,
Дай быть с тобой.
Мне есть еще,
что жертвовать тебе.

А потом воображение уносит меня на Комсомольскую аллею, туда, где во всей своей величественной красоте возвышается над городом скульптура женщины с Чашей и Мечом. Это «Мать-Грузия». Благодарные потомки воздвигли этот монумент как символ мужества и стойкости грузинского народа, символ его добросердечности и гостеприимства.

Да встретит врага наш разящий Меч, да протянется к другу щедрая Чаша благодарного вина...

На снимках: (слева) делегат XXVI съезда КПСС, поэт-академик И. В. Абашидзе; (внизу) И. Абашидзе, праправнук А. С. Пушкина Г. Пушкин, поэт Д. Кукульдинов; (справа) И. Абашидзе и М. Шолохов; встреча с историей: И. Абашидзе и Н. Думбадзе.

Фото Р. Рухкяна.

ЖИТЬ ВО ИМЯ...

Я думаю: сорок раз разрушали враги мой Тбилиси, но сорок раз восстал он из руин и пепла. Потому что любовь народа к земле своей сильнее смерти. Потому что добро всегда побеждает зло. И пришел день, когда был подписан Георгиевский трактат, соединивший судьбы грузинского и русского народов. Двести лет прошло с тех пор, но разве можно забыть этот день, день начала возрождения нашей многострадальной земли! Разве можно забыть 25 февраля 1921 года, когда над Тифлисом было поднято победное знамя Великого Октября, возвестившее миру о рождении Советской Грузии! Это братство, это дружба наших народов, дорогой Чингиз, победили поработителей свободы и открыли нам путь в наше прекрасное завтра.

Владыки рати двигали в походы,
И меч висел над нашей головой.
Цари сжигали земли, а народы
Стремилась к братству,
к дружбе вековой.

Я вспоминаю Великую Отечественную... Сотни тысяч сыновей и дочерей Грузии, дорогой Чингиз, встали на защиту Родины от фашистского ига, как встали на ее защиту твои собратья-киргизы, весь многонациональный народ нашей страны. Потому что Родина у нас у всех одна — Союз Советских Социалистических Республик. Помнишь, как в песне поется — если радость на всех одна, на всех и беда одна. Не всем суждено было дожить до Дня Победы. Около трехсот тысяч сыновей и дочерей республики пало смертью храбрых. Нет в Грузии города, нет села, где бы не был воздвигнут памятник в их честь.

Они ушли... Но остались сады, взращенные их руками, остались построенные ими дома, заводы, фабрики, остались их дети, правнуки. Во всем этом

они продолжают жить вместе с нами, как живет в сердцах благодарного человечества имя Владимира Ильича Ленина. Они ушли, завещав нам отстаивать мир на земле, бороться за утверждение идеалов коммунистического общества, воспитывать в себе и потомках патриотизм и высокую гражданственность, интернационализм.

Мой молодой коллега, которому когда-то я открыл дорогу в литературу, поэт Мирза Геловани погиб в июле 1944 года. Похоронен в братской могиле в Витебской области. В 1943 году с фронта он писал:

Где ты сейчас?
О чем сегодня пишешь
Рукою, не державшей пистолета?
Открой окно, прислушайся...
ты слышишь?
Шаги войны, гуляющей по свету?

Не к нам ли, современным поэтам, обращался Мирза Геловани! А потом, имея в виду своих товарищей-бойцов, проливавших кровь в сражениях за Отчизну, он пишет:

Из них любой тебя,
поэт,
не удостоит ни рукою,
ни взглядом,
Коль стих,
тобой написанный,
не будет
Подобен пуле снайпера-солдата.

Не непутствие ли это поэтам будущего быть ответственными за каждую написанную строку, за ее боювность и высокое гражданское звучание!

И снова задаю вопрос: отдаю ли людям полностью то, что могу отдать? Заново анализирую каждый прожитый день, год. Я уверен, это волнует каждого из нас. Вспомни наши вечерние

беседы в Москве, у нашего общего друга Бориса Паникина на его пятидесятилетии в дни работы XXVI съезда нашей партии. Ты, как и я, как и присутствующие Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Мустай Керим, Тимур Гайдар и другие, был глубоко тронут той высокой оценкой, которую дал труду советских литераторов с трибуны партийного форума товарищ Леонид Ильич Брежнев. До сих пор в моей памяти звучат эти незабываемые слова: «...в том, что духовная жизнь советского общества становится все более многообразной и богатой, — бесспорная заслуга наших деятелей культуры, нашей литературы и искусства». Все мы были всецело охвачены чувством искренней признательности и благодарности партии за внимание и заботу. Ты делился с нами самым сокровенным, рассказывая о солнечной Киргизии, о героических трудовых буднях киргизского народа.

Ты говорил нам, что в твоей республике единой, дружной семьей живут и работают представители более 80 национальностей. И все они считают себя братьями и сестрами. Ты приводил нам цифры роста за десятилетие — как неизмеримо вырос национальный доход, как резко увеличились основные фонды Киргизии, насколько повысился уровень благосостояния твоего народа! Мы разделяли вместе с тобой радость трудящихся Советского Киргизстана, получивших сердечное приветствие товарища Леонида Ильича Брежнева в связи с успешным выполнением республикой планов и обязательств завершающего года и пятилетки в целом по продаже государству зерна, хлопка-сырца, овощей, картофеля, плодов и ягод, винограда и бахчевых культур. И был во всем этом весомый вклад киргизских литераторов, которые в своих произведениях воспели человека труда, ярко и образно отра-

зили славные свершения современности.

Я слушал твои взволнованные рассказы и ловил себя на мысли, что все это мне почему-то хорошо знакомо и понятно. И тогда подумал я, дорогой Чингиз, о твоём творчестве. Это ты, твои произведения открыли для меня далекую Киргизию, помогли мне оценить и понять ее. Это ты, твои произведения показали мне, какие благородные и щедрые душой люди живут в твоём крае. Ты пишешь о том, что тебе близко и дорого, и таким же близким и дорогим это становится для меня, для тысяч и тысяч почитателей твоего таланта. Прекрасные слова выписаны у меня из твоего «Пятого пса, бегущего краем моря»: «...человек мыслит и тем восходит к величию Моря и Неба, и тем утверждает себя перед вечными стихиями, и тем он соизмерен глубине и высоте миров. И потому, пока человек жив, духом он могоу, как море, и бесконечен, как небо, ибо нет предела его мысли. А когда он умрет, кто-то другой будет мыслить дальше, от него и дальше, а следующий еще дальше и так без конца...». Можно ли сказать лучше о человеке! Вот почему я понимал тебя, с такой любовью рассказывающего о Родине, с полутьлова.

Не забыть мне, какое большое впечатление произвела на меня, как и на тебя, на всех делегатов съезда речь Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе. Ты с особым пристрастием выспрашивал у меня о делах и жизни моей республики, в которой неоднократно бывал и которую успел горячо полюбить. И я с гордостью рассказывал тебе о ней. О том, как из года в год растет и становится краше моя солнечная Грузия. О замечательной победе гидростроителей, досрочно сдавших в эксплуатацию уникальную ИнгуриГЭС. О беспримерных рекордах заводов и виноградарей, собравших и продавших государству в прошлом году свыше полумиллиона тонн высококачественного чайного листа и почти миллион тонн солнечных гроздьев. О том, как высоко оценили партия и правительство самоотверженный труд грузинских тружеников, — за победы во Всесоюзном социалистическом соревновании Грузии восемь раз подряд удостаивалась переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. И я вспомнил отрывок из своего стихотворения «Визу тебя, Грузия!» и молча прочитал его, прочитал сердцем:

Визу, как светлеют
города и села,
Как ты служишь миру,

всей землц покою,
Визу тебя в ярких
бликах ореола,
В нимах гидростанций,
вставших над рекою.
Визу у Ингури, визу у Арагаи,
Визу у Иори, визу у Риони,
В копоти заводов,
в лиственном смаразде,
Визу у Тбилиси и у Бахтриони,
Визу в незнаколке,
визу в друге старом,
Визу в первом встречном,
в человекь гуще,
В прошлом, в настоящем...
С трепетом и жаром
Визу и в грядущем.
И дышу грядущим.

Прочитал по-грузински, но ты меня понял — это я увидел по глазам твоим. Понял, потому что не мог не понять, потому что в этот момент общались не только наши мысли, но и наши сердца.

Далеко за полночь шли наши беседы о современной литературе, о ее месте в духовной жизни народа, о задачах, поставленных перед литераторами XXVI съездом КПСС, а также съездами наших республиканских партийных организаций. Они многое мне открыли, помогли четче определиться на будущее. По приезде в Тбилиси я поделился своими соображениями с братьями по перу на IX съезде писателей Грузии, где шел серьезный и обстоятельный разговор о путях дальнейшего развития грузинской литературы.

Да, современный литератор — не просто бытописатель героических дел строителей коммунистического общества, но и активный участник, творец разительных перемен во всех сферах экономики и культуры. Он сверяет себя и свое дело по пульсу времени, живет интересами партии и народа. И главенствующими в его творчестве были и остаются темы интернационализма и брат-

ства народов, патриотизма и любви к Родине, темы нравственных исканий и борьбы с негативными явлениями. Однако он не прикрывается актуальностью темы, производит на свет серьезные в художественном отношении вещи. Непорочный ущерб творчеству наносят проявления безыдейности, мировоззренческая неразборчивость, отход от четкой классовой оценки отдельных исторических явлений и фигур. Здесь все дело в ответственности художника перед людьми и прежде всего перед собой, в том, насколько глубоко он проникся требованиями извостного постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Не таким ли мы видели с тобой современного писателя!

А ЕЩЕ мы говорили с тобой о молодежи, о том, что забота о подрастающем поколении — наш священный долг. Ведь нам, дорогой Чингиз, совсем не все равно, кто будет после нас. Молодые идут в литературу с собственным мироощущением, творческим почерком, острым и заинтересованным взглядом на проблемы современности. И этот творческий порыв мы должны по-доброму и умело поддерживать.

Должен сказать тебе, дорогой Чингиз, что именно в семидесяти годы небывалыми темпами развивалась национальная литература Советской Грузии, ее автономных формирований, литература грузинского, абхазского, осетинского, всех народов, населяющих нашу республику. И это, отмечу, — прямой результат осуществления исторического постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии. Партия окружила нас, грузинских литераторов, атмосферой искренней заинтересованности, доброжелательности, товарищеской критики. Но вместе с тем это — атмосфера принципиальности и требовательности, высокой ответственности за порученное дело, атмосфера бескомпромиссной борьбы с негативными явлениями. Вот почему я твердо убежден в том, что художественная интеллигенция республики с честью выполнит возложенные на нее задачи.

БРАТ мой, Чингиз! Разреши мне обратиться к тебе именно так — брат! Ведь нельзя точнее определить, кто есть ты для меня! Народы наши породили Великий Октябрь. Их породила Великая Отечественная война, когда киргиз и грузин, обнявшись, шли на верную смерть во имя нашего прекрасного настоящего. Их породили суровые годы восстановления разрушенного хозяйства, радость побед. Никогда, никогда ты мне не был ближе и дороже, чем сейчас, — по духу, по крови, по стремлениям и надеждам. Экзюпери писал, что люди любят друг друга, если они мыслят в одном направлении. В одном направлении мысли и мы с тобой — в направлении всеобщего счастья на планете людей. И потому могоу и нерушим наш Союз, что мы, коммунисты, сильны своими братьями. Помнишь у Руставели:

Надо другу ради друга
не страшиться испытаний,
Откликаться сердцем сердцу
и мостить любовью путь.
Любящий поймет влюбленных:
он участник их страданий.
Нам без друга
жизнь не в радости,
как сладка она ни будь!

Брат мой, Чингиз! Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, как ты помнишь, выступая на съезде, сказал, что в мае мы будем отмечать шестидесятилетие Советской Грузии. Он пригласил всех делегатов партийного форума и прежде всего всех нам дорогого и близкого Леонида Ильича Брежнева на этот праздник, который выльется в демонстрацию дружбы и братства народов нашей Родины, их сплоченности вокруг единой цели, имя которой — коммунизм. Но мне захотелось еще раз напомнить тебе об этом приглашении, о том, что тебе с нетерпением ждут в нашей солнечной республике.

Приезжай, дорогой Чингиз. Я надеваю киргизскую шапку, подаренную тобой в Тбилиси, в дни 800-летнего юбилея великого нашего предка Шота Руставели, а ты — нашу грузинскую, и пройдемся мы по улочкам старого Тбилиси, вспомянув о билом. И снова я буду слушать, очарованный, твои рассказы о Киргизии, а потом буду отвечать на твои бесконечные вопросы о Грузии. Мы побываем с тобой в Мехети, на родине Руставели, побываем в Кахети — в краю виноградной лозы, где непременно поднимем бокалы в честь грузинского и киргизского народов. А потом, когда придет время расставания, в знак наших будущих встреч, встреч двух любящих братьев, я прошу с тобой так, как простился ты с одним из героев своих книг:

— Здравствуй, Белый пароход, это я!
Ираклий АБАШИДЗЕ,
поэт-академик, Герой Социалистического Труда.